

7. Щедрин Г. Зеркало отечественного флота // Филателия СССР. 1973. № 6. С. 13–14.
8. Кузьминский К. Очерк развития военной журналистики в России // Война и мир. 1906. № 12. С. 43.
9. РГВИА. Ф. 401. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.
10. Там же. Оп. 2. Д. 120. Л. 1.
11. Головнин А. В. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б. Д. Гальперина. СПб.: Нестор – история, 2004. С. 417.
12. Там же. С. 455.
13. Там же. С. 49.
14. Головнин А. В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 290–293.
15. Полное собрание законов Российской империи. Т. 37. 1862. № 38040.
16. Там же.
17. РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 1053. Л. 14-об.

УДК 947

АВАРЫ VI ВЕКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В ОСЕТИНСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Г. Б. Романова

AVARS OF VI CENTURY IN THE NORTH CAUCASUS AND IN THE OSSET NARTS EPOS (TO QUESTION STATEMENT)

G. B. Romanova

Статья посвящена актуальной проблеме историзма осетинского нартского эпоса, еще недавно считавшегося неисторичным и чисто мифологическим по своей сущности. Отмечая, что в этнонимике и топонимике эпоса имеется ряд опознаваемых и отождествляемых названий, одним из которых является название тюркоязычного народа авары, появившегося около середины VI века в Предкавказье и вступившего в контакт с ираноязычными предками осетин – аланами, автор ставит новый для нартоведения вопрос об отождествлении эпических авар с реально существовавшим народом авары.

This article is devoted an actual problem of the Osset Narts epos historicism which recently has been considered not historical and purely mythological in its nature. Pointing to the fact that in epos ethnonimics and toponymics there is a number of recognized and identified names, one of which is “Avarians” the name of the people of Turkic languages who appeared about the middle of VI century in Front Caucasus and has come into contact with Alanians the Ossetians ancestors of Iranian language, the author puts a new question for study of Narts concerning an identification epic Avarians with really existing nation Avarians.

Ключевые слова:

нартский эпос, народ авары, народ аланы, историзм, нартоведение.

Keywords:

Narts epos, Avarians, Alanians, historicism, study of Narts.

Нарты – это герои древних эпических сказаний, бытующих у многих народов Северного Кавказа: адыгов, абазин, осетин, карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, а также абхазов. Как известно, этимология термина «нарты» окончательно не установлена, но преобладает мнение о том, что это индоиранское название героя-богатыря «нар» (nar) с иранским показателем множественного числа «та» на конце [1]. Данный вопрос, признанный европейской наукой, в условиях Северного Кавказа и интернационального характера самого эпоса остается спорным. Спорной является также проблема генезиса нартского эпоса, так как признание алано-осетинского исходного «ядра» [2] не импонирует исследователям других национальных вариантов эпоса.

Такой же спорной является и проблема историзма, наличия в эпосе очевидных исторических реалий и отделения этого материала от мифических слоев, которые преобладают. Несмотря на неизбежные трудности и гипотетичность интерпретаций и реконструкций, сделаны крупные шаги в познании исторической информативности осетинского нартского эпоса. Такова, например, остроумная и убедительная статья В. И. Абаева о Кафтысар-Хуандон-алдаре как царе Боспора, владельце керченского пролива [3]. Однако наличие в эпосе исторической информации признается не всегда и не всеми. Так, большая и обстоятельная статья в энциклопедии «Мифы народов мира» освещает только мифологическую структуру северокавказского эпоса, не упоминая об исторических аспектах и тем самым обедняя этот выдающийся памятник духовной культуры I – первой половины II тыс. н. э. [4]. Ниже мы попытаемся кратко рассмотреть один из конкретных сюжетов осетинского эпоса, представляющих интерес для историков.

В некоторых сказаниях осетинского нартского эпоса фигурирует загадочный народ авары. Так, выдающийся осетинский филолог В. И. Абаев переопубликовал малоизвестный текст нартского «Сказания о нарте Урузмаге и Хамицовом сыне Батразе», где говорится о том, что «войска (народа) авар приближаются, сжигая, истребляя, уничтожая все» [5]. В 1903 году Михаил Гарданти со слов сказителя Кертиби Кертибиева в дигорском селении Махческ записал сказание «Болат-Хамиц». Сюжет его вкратце таков. Две жены нарта Болата-Хамица делают ему бурку со словами: «Эта бурка будет такой счастливой буркой, что господин нашей головы отправится в Аварию, красивых кумачей Аварии привезет полные свои походные сумы, а красавицу Аварии возьмет себе в третьи жены». Болат-Хамиц так и сделал: из Аварии привез кумачи и засватал красавицу Аварии (осет. «Ауари расугъд»). Ревнивые жены умертвили жену-аварку, но Хамиц с помощью волшебной бусины ее оживил, а вероломных жен наказал [6]. В сказании «Рождение Батраза» названо имя аварской жены Хамица – Агунда [7]. Это имя довольно популярно в осетинском нартском эпосе [8]. Отец Агунды – Сайнаг-алдар (князь), находящийся то в дружбе, то во вражде с нартами и живущий недалеко от страны нартов, силен и самостоятелен. Он говорит: «Отдаю я свою дочь к нартам, в семью равных мне людей» [9]. Эпос указывает и ареал обитания Сайнаг-алдара на Уарпе (современная р. Уруп) и Агунды в замке между морями Акденгиз и Караденгиз, т. е. между Азовским и Черным морями, на «Тамани быдыр» – на Таманской равнине [10].

На эти интересные фольклорные сведения исследователи, видимо исходя из убеждения об исторической неинформативности и бесполезности нартского эпоса, не обращали внимания. В качестве примера назовем капитальный труд М. И. Артамонова со специальной главой об аvaraх, статью венгерского востоковеда Кароя Цегледи и американского ученого Питера Голдена [11]. Первым исследователем, указавшим на присутствие в эпосе древнего этнонима «авар» и страны Авария – «Ауари», этимологически восходящих к одной из транскрипций этникаона авар, стал археолог В. А. Кузнецов, писавший: «Представление о народе аваров и их стране Аварии прочно вошло в нартский эпос и сохранилось на века» [12]. Он же привел аналогичные сведения об аvaraх и их хане Байкане в фольклоре адыгов, и это, по Кузнецову, представляет контрольную инстанцию для подтверждения сведений осетинского эпоса [13]. Мы принимаем эти позитивные положения как намечающие пути для дальнейших разработок и поисков (известно, что и осетинские, и адыгские записи нартского эпоса изданы далеко не полностью и лежат в архивах).

Возникает закономерный вопрос: реально ли видеть в аvaraх нартского эпоса именно древний народ аваров и не могут ли эпические авары и Авария соответствовать аварцам и Аварии в современном Дагестане? Известно, что звуковые совпадения этнонимов «не подкрепленные другими материалами, еще не доказывают генетической связи, как этнонимов, так и соответствующих этносов» [14]. Обратимся к «другим материалам» историко-этнографического характера, подкрепляющим обсуждаемую версию.

Прежде всего, заметим, что в осетинском нартском эпосе нет никаких упоминаний о Дагестане и его народах, а современные аварцы в осетинском языке называются «солы» (мн.), «солиаг» (ед.) [15]. Географические ориентиры, связанные в эпосе с аvaraми, уводят не на восток, а на запад Северного Кавказа: выше уже назывались р. Уарп – Уруп и Тамань – «Тамани быдыр». Ориентиры, как видим, очень немногочисленные, но тем выше их информативно-историческая ценность. Эпические авары предстают перед нами как северо-западные соседи творцов эпоса алан.

Исторические авары – это тюрки, по Г. В. Хауссигу и Ю. Немету, различные кочевые тюркские народы, пришедшие с востока, к ним принадлежали и гунны, покрываемые общим этнонимом [16]. Следует полагать, что этноним «аварь» не обозначает соответствующей этнической общности, а является своего рода условным «знаком», зашифрованным обозначением народностей [17]. Но хорошо известно, что этноним авар происходит от имени их предводителя Оуара, которое также встречается в нартском эпосе в форме «Ауар» [18]. В 50-х годах VI века авары появились в равнинном Предкавказье. Здесь они нашли себе друзей и союзников в лице алан, живших на Кубани [19] и бывших в союзе с Византийской империей. При содействии аланского вождя Саросия авары вступили в переговоры с императором Юстинианом и в 558 году заключили союз с Византией против Ирана. Об этом свидетельствует византийский автор VI века Менандр [20]. Как видим, на Северо-Западном Кавказе авары находились в недолгом, но плотном контакте с аланами. Вскоре авары покинули Северный Кавказ, перешли Дон и двинулись на запад. В 567 году они осели в Паннонии. Дальнейшая история аваров связана со Средним Подунавьем [21].

Глубокий знаток осетинской истории и культуры В. И. Абаев писал о нартах:

«Обычная обстановка подвигов героев – *bidur* „равнина”, притом весьма часто в соседстве с морем или большой рекой» [22]. В нашем случае с аварами мы встречаем именно такой географический контекст. Это дает возможность предполагать, что в осетинском нартском эпосе нашли отражение крупные исторические события VI века, связанные с появлением тюркоязычных авар и близкими с ними отношениями в пределах равнинного Предкавказья. Недолгое соседство алан с аварами было, очевидно, увенчано яркими событиями, вошедшими с именем авар в фонд нартских сказаний. Если наши предположения окажутся справедливыми, это еще раз засвидетельствует поразительную глубину и стойкость исторической памяти народных сказителей Северного Кавказа.

Фольклорные материалы народов Северного Кавказа представляют своеобразные и требующие осторожности и тщательной проработки источники исторической информации. Эта информация нередко может быть уникальной, отсутствующей в нарративных источниках. Занимающиеся древностью и Средневековьем историки и археологи Северного Кавказа не могут пренебрегать своего рода «археологией фольклора». Защищенная сравнительно недавно диссертация и публикации А. Е. Иванеско показывают перспективность использования осетинского нартского эпоса для исторических реконструкций [23]. Нартский эпос осетин, адыгов и других народов Кавказа должен быть издан в полном объеме и введен в научный оборот. Это одна из актуальных задач современного российского кавказоведения.

В заключение уместно привести идеи и мнения об историческом содержании северокавказского фольклора, изложенные крупным кавказоведом, историком-этнографом Л. И. Лавровым в его остропроблемной (и поэтому часто используемой авторами) статье по истории Карачая и Балкарии [24]. По убеждению Л. И. Лаврова, художественная форма фольклорного произведения долговечней исторического содержания, «достоверность его исторического содержания способна с каждым поколением лишь уменьшаться... еще плохо изучены пределы коллективной человеческой памяти... только специальные исследования когда-нибудь покажут допустимые хронологические пределы использования фольклора в качестве источника... Можно склониться к выводу, что фольклор способен сохранять память о событиях и исторических деятелях не дольше 300 лет. Само собой разумеется, что предел этот не окончательный и новые материалы, может быть, его несколько отодвинут вглубь, но вряд ли намного!» [25]. Наше скромное исследование показывает, что Л. И. Лавров был неправ и явно недооценивал ту уникальную глубину исторической памяти кавказских народов, о которой писал Жорж Дюмезиль [26]. Можно признать справедливым вывод Ж. Дюмезиля: «Преимущество фольклорных традиций осетин выдержала такое испытание временем, равного которому я не знаю» [27]. Своеобразной «археологии фольклора», мы уверены, предстоят большие труды и открытия, а ближайшей задачей является издание всех записей нартских текстов, покоящихся в архивах. Весь конкретный материал должен быть источником для науки. В качестве примера, получившего положительную оценку В. И. Абаева, назовем монографию В. А. Кузнецова «Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа» [28]. Как пишет В. И. Абаев, «в ней автор делает существенный шаг вперед в деле конкретно исторического истолкования и географической локализации некоторых нартских сюжетов и мотивов, равно как в освещении этнических взаимоотношений, образно отраженных в сказаниях... Автор

показывает на конкретных примерах, как тесно и неразрывно связана история эпоса с историей народа».

Опыт изучения осетинского нартского эпоса, пока небольшой, свидетельствует о необходимости разработки его текстов для извлечения исторической информации. Последняя иногда может быть уникальной. Рассмотренные выше упоминания народа авар в эпосе представляются именно такими потому, что они соответствуют историческому контексту, связанному с аварами, и контролируются письменными источниками. Особая ценность этих эпических данных для нартоведения состоит в том, что они могут быть достоверно датированы серединой – второй половиной VI века, а это указывает время формирования нартских сказаний.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 273.
2. Там же; Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М., 1963.
3. Абаев В. И. Сармато-боспорские отношения в отражении нартских сказаний // Советская археология. 1958. № 28.
4. Мифы народов мира: энцикл. Т. 2. М.: Олимп, 1997.
5. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М. – Л., 1949. С. 602.
6. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927. Вып. 2. С. 232.
7. Там же.
8. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау: Севосгиз, 1948. С. 502; Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957. С. 412.
9. Осетинские нартские сказания. С. 502.
10. Памятники народного творчества осетин. С. 232.
11. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 520; Czegledy Karoly. Kaukazusi hunok, kaukazusi avarok. Antik tanulmanyok, 2. Budapest, 1955; Colden Peter B. Khazar Studies. An historico-philological inquiry into the origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest, 1980.
12. Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. С. 134; Ногмов Ш.-Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1958.
13. Кузнецов В. А. Указ. соч.
14. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 196–207.
15. Русско-осетинский словарь. М., 1970.
16. Хауссиг Г. В. К вопросу о происхождении гуннов // Византийский временник. 1977. Т. 38; Немет Ю. К вопросу об аварах // Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. М, 1976.
17. Бибииков М. В. К изучению византийской этнонимии // Византийские очерки. М., 1982.
18. Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951. С. 180; Кузнецов В. А. Указ. соч.
19. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 501.
20. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. С. 604.
21. Tomka Э. Le problem de la survivance des Avars dans la litterature archeologique hohgroise // Acta Orientalia. Т. 24, fasc. 2. Budapest, 1971.
22. Абаев В. И. Указ. соч.

23. Иванеско А. Е. Реалии воинского быта в осетинских нартовских сказаниях и проблема датировки ядра нартиады // Изв. высш. учеб. заведений: Сев.-Кавк. регион. Сер.: Общественные науки. Ростов н/Д, 2003. С. 34–40.

24. Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнограф. сб. М., 1969. № 4. С. 55–119.

25. Там же.

26. Дюмезиль Ж. Указ. соч.

27. Там же.

28. Кузнецов В. А. Указ. соч.

УДК 94(470.32).083:364

ОКАЗАНИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ж. В. Соболева

RENDERING OF THE CHARITABLE HELP TO CHILDREN IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURY

J. V. Soboleva

В статье рассматриваются новые формы социальной защиты населения, которая осуществлялась через государственные учреждения, а также органы земского и городского самоуправления. Автор анализирует все формы социальной защиты экономически неактивного населения, направленные на смягчение социальной напряженности.

In this article new forms of social protection of the population which was carried out through official bodies, and also bodies of rural and city self-government are considered. The author analyzes all forms of social protection of economically inactive population, directed on softening of social intensity.

Ключевые слова:

благотворительные учреждения, трудовая помощь, социальная защита.

Keywords:

charitable organization, labour help, social protection.

В XIX – начале XX века существовала разветвленная сеть благотворительных учреждений, занимавшихся призрением детей и взрослых. Благотворительную деятельность осуществляли местные земские, городские, государственные учреждения. Несмотря на ограниченность материальных средств, местные власти стремились внедрить ранее не применявшиеся подходы.

Новым явлением для благотворительности в России стало создание